

— Нервничаешь? — с улыбкой спросил Чжоу Цзыфэй, глядя, как Шэнь Цзя не находит себе места в комнате отдыха.

— С чего бы мне нервничать... Ты главное на гонке сосредоточься, — тихо пробормотал Шэнь Цзя.

И всё же тело его выдало: он сам потянулся к сидящему рядом Цзыфэю, прошмыгнув пальцами в его тёплую ладонь и переплёл их.

После нескольких месяцев, проведённых дома, Чжоу Цзыфэй только недавно вернулся к тренировкам, и сегодня его ждал первый официальный заезд. Шэнь Цзя так переживал, что накануне толком не сомкнул глаз, — происходящее волновало его куда сильнее, чем самого гонщика. Ему искренне не хотелось, чтобы из-за их отношений Цзыфэй лишился привычной жизни звёздного автогонщика.

— Всё в порядке, малыш. Один поцелуй — и весь мандраж как рукой снимет.

Чжоу Цзыфэй обнял его за плечо, уверенно придерживая за затылок, и подался вперёд. Их дыхание уже смешалось, но за мгновение до прикосновения губ Цзыфэй внезапно замер.

— Ч-что такое? — Шэнь Цзя обвил руками его шею и, так и не дождавшись поцелуя, удивлённо поднял взгляд.

— Сокровище, ты ведь хочешь, чтобы я победил? Если хочешь... поцелуй сам.

Большой палец Цзыфэя мягко погладил его чувствительные губы, а в глазах застыла нежность.

Шэнь Цзя поджал губы, не позволяя пальцу проникнуть глубже, хотя щёки его уже вспыхнули румянцем. В этот момент за дверью раздался торопливый голос организатора, призывающий участников на старт.

Шэнь Цзя наконец приподнял лицо и оставил на губах Чжоу Цзыфэя невесомый поцелуй.

— Удачи, муж.

Он опустил дрожащие ресницы. Голос прозвучал совсем тихо, но каждое слово отозвалось в самом сердце Цзыфэя.

Рёв моторов, подобный рыку разбуженных зверей, эхом разносился над гоночной трассой.

Шэнь Цзя стоял у самого ограждения в зрительской зоне, не сводя глаз с самого яркого, ярко-красного болида. Тот нёсся подобно бушующему пламени, раз за разом совершая рискованные обгоны на извилистых виражах, и под конец вырвался вперёд, безупречно занеся корму в эффектном дрифте прямо перед финишной чертой.

— Первый! — Шэнь Цзя не сдержался и подхватил ликующий рёв толпы, в возбуждении подавшись через перила.

Спустя пару минут победивший болид плавно заехал в зону обслуживания, и гонщики один за другим стали покидать кабины.

Ярко-красные волосы блеснули на солнце ещё ослепительнее. Чжоу Цзыфэй снял шлем, небрежно взъерошил влажную от пота челку и, сияя дерзкой, упоенной победой улыбкой, направился прямо к трибунам.

Он на ходу обменивался хлопками с ликующими фанатами, но даже не думал останавливаться, целеустремленно шагая к месту, где стоял Шэнь Цзя.

Эта сцена с поразительной точностью совпала с образом, давно похороненным на дне памяти.

Шэнь Цзя замер.

Время словно повернуло вспять.

Тогда они встретились лицом к лицу впервые. Тоже после заезда: молодой красноволосый гонщик, едва пересекши финиш, в азарте выскочил из машины и точно так же пошёл вдоль зрительских рядов, раздавая «пять».

Только-только оформивший развод Шэнь Цзя пришёл туда лишь за компанию с Цзян Хэ. В машинах он не разбирался ни капли и откровенно скучал, безразлично поглядывая по сторонам, пока Чжоу Цзыфэй не вырвал победу. Оказавшись среди ликующей толпы, он просто наблюдал, как победитель бежит вдоль трибун.

Тогда в его душе впервые прошёл лёгкий отклик — эта открытая, горячая отвага и юношеский задор невольно тронули его.

Он отчётливо помнил, как ослепительный чемпион, пройдя сквозь море аплодисментов, остановился ровно напротив него.

Тёплая, слегка влажная от пота ладонь Цзыфэя, только что сбросившая шлем, надёжно сжала его прохладные пальцы. Встретившись с ним взглядом, тот смешливо спросил: «Дашь пятью?»

Лишь теперь Шэнь Цзя понял: за радостью триумфа в этих сияющих глазах тогда скрывалось кое-что ещё — хитрая, довольная искорка.

Чжоу Цзыфэй с самого начала шёл именно к нему.

Тот хлопок ладонями сквозь толпу не был случайностью или порывом — это было спланированное, прямолинейное сближение.

Тем временем Чжоу Цзыфэй уже подошёл вплотную. С той же улыбкой, что и в прошлом, но куда более нежной, он снова протянул ему руку.

И на этот раз Шэнь Цзя отчётливо слышал низкий бархатный голос с едва уловимой ноткой мальчишеского бахвальства:

— Ну как, сокровище? Я ведь не ударил в грязь лицом?

Шэнь Цзя посмотрел на протянутую ладонь, затем перевёл взгляд на смеющиеся глаза Цзыфэя. В груди вспыхнуло жаркое пламя, и на него накатила оглушительная, накрывающая с головой волна сладости от осознания того, как давно и трепетно его берегут.

Он не стал хлопать по ладони. Вместо этого он сделал шаг вперёд и крепко обнял этого пахнущего потом, но невероятно сияющего человека.

— Ты ведь с самого начала всё подстроил, да? — уткнувшись лицом в его горячую шею, пробормотал Шэнь Цзя. Голос звучал глухо, но в нём считывалась нескрываемая улыбка. — В тот день, когда взял кубок, ты подошёл ко мне нарочно.

Чжоу Цзыфэй сперва опешил, а затем сжал его в ответных объятиях и тихо засмеялся. По его груди прошла глубокая, бархатистая вибрация.

— Ну разумеется, — легко признался он. — А ты как думал? Я ещё с трассы твой силуэт в толпе высмотрел.

Даже тот VIP-билет, который Цзян Хэ якобы выиграл в лотерею, был его рук делом.

Шум и гул автодрома словно растворились. Шэнь Цзя казалось, что он и сам завоевал какой-то особенный, долгожданный и единственный в своём роде кубок.

Он внезапно обхватил лицо Чжоу Цзыфэя ладонями и поцеловал его — порывисто и жадно.

На трибунах на секунду воцарилась тишина, а в следующее мгновение воздух взорвался оглушительным свистом и одобрительными криками.

Чжоу Цзыфэй на миг замер от неожиданности, но тут же, подхваченный горячим порывом Шэнь Цзя, крепко обнял его за затылок, отвечая на поцелуй глубоко и страстно.

Они едва дотерпели до дома. Стоило двери захлопнуться, как Чжоу Цзыфэй тут же сорвал с Шэнь Цзя куртку. Тот тяжело и часто дышал сбившимся дыханием, рот его покраснелся и припух. Он покорно поднял руки, позволяя горячим ладоням сдернуть с себя свитер.

— А-ах...

Шэнь Цзя перехватил обнажённое предплечье Цзыфэя и вскрикнул от того, насколько властно и сильно тот его сжал.

— Малыш, не шуми...

Цзыфэй подался вперёд и накрыл его губы поцелуем. Шэнь Цзя ощутимо вздрогнул.

Жаркое, твердое, неизбежное.

Ноги подкашивались, на лбу выступила испарина. В следующее мгновение Чжоу Цзыфэй подхватил его под колени и унёс в спальню.

Шторы оставались раздвинутыми с самого утра. Комната была залита солнечным светом, выставя всю буйную страсть напоказ.

На тумбочке у кровати настойчиво заубивал вибрацией телефон.

— По... подожди, звонят...

Шэнь Цзя ослабевшими руками попытался оттолкнуть Чжоу Цзыфэя — похоже, человеку на том конце провода требовалось что-то очень важное.

— Смотри прямо так.

Чжоу Цзыфэй с темнеющим лицом сбавил темп, вытянул руку и, подцепив телефон, протянул его Шэнь Цзя.

Экран снова светился от сообщений Юй Сянхана.

Шэнь Цзя сейчас было совсем не до разборок. Дрожащими пальцами он принялся набивать ответ:

«Хватит мне писать, я—»

Не успел он закончить фразу, как Чжоу Цзыфэй резко и глубоко подался вперёд. Шэнь Цзя ахнул, потеряв контроль, и палец случайно соскользнул на кнопку отправки.

— Ответил?

— Ещё... ещё нет...

— Я сам отвечу.

Цзыфэй забрал у него телефон и влажными от пота пальцами быстро набрал несколько слов, после чего развернул экран к Шэнь Цзя.

Шэнь Цзя сквозь пелену слёз и накатывающие волны головокружения попытался разобрать набранный текст:

[У меня есть муж, и он не разрешает мне встречаться ни с кем наедине.]

— М-муж...

В голосе Шэнь Цзя прозвучали мягкие, плачущие нотки, будто его увлекло мощное, но ласковое течение.

Каждый сантиметр его тела был заполнен этим целительным телом, и в туманном забытии он сам прижался к этому источнику тепла, судорожно и прерывисто шепча имя Цзыфэя.

Когда дикая буря постепенно утихла, в комнате осталось лишь сумеречное, полуденное спокойствие.

Шэнь Цзя тихо лежал на мягкой постели. Чжоу Цзыфэй, подобно сытому крупному хищнику из семейства кошачьих, уткнулся горячей щекой ему в живот; его ровное дыхание обжигало кожу, вызывая лёгкую щекотку.

Шэнь Цзя невольно перевёл дыхание, и под его тонкой кожей обозначился изящный контур рёбер.

И всё же он не стал прогонять Цзыфэя — лишь положил одну ладонь на его мокрый затылок, а другой нежно перебирал яркие красные пряди.

— Эти шрамы... они ведь страшные, да? — внезапно прошептал Шэнь Цзя.

Рядом с Чжоу Цзыфэем всё, что касалось близости и любви, казалось невероятно пылким. Цзыфэй не скупился на комплименты его красоте в самые откровенные моменты, однако они ещё ни разу толком не разговаривали об этих старых метках.

Цзыфэй относился к ним ровно так же, как и к чистой коже: целовал и гладил их без тени сомнений, словно они были естественной частью тела Шэнь Цзя. И тот до сих пор не решался спросить, что гонщик думает на самом деле.

Казалось бы, показать изувеченное тело было просто, но заново вскрывать грязь и боль, с которыми появились эти отметины, требовало огромного мужества.

И всё же в этот полдень, пропитанный солнцем и нежностью, после того как Цзыфэй трепетно зацеловал каждый угол его тела, в душе Шэнь Цзя тихо пробился росток желания открыться.

Чжоу Цзыфэй ничего не ответил сразу. Его подушечки пальцев медленно соскользнули со следка от ожога на талии к застарелому рубцу от ножа на груди. Прикосновение было настолько невесомым, будто он касался хрупкого нераскрывшегося бутона.

— Нет. Это твои медали.

— Никто не имеет права судить эти шрамы. Даже тот, кого ты любишь больше всех на свете.

Он приподнялся и прижался губами к вибрирующей груди Шэнь Цзя — прямо над сердцем, которое задорно и ритмично стучало, наполняя Цзыфэя бескрайней любовью.

— Малыш, это награда за то, с каким мужеством ты вырос. Я не имею права рассуждать, красиво это или нет.

— Единственное, что я хочу сказать: ты невероятно смелый человек. На твою долю выпало столько ада, но ты сумел сохранить способность любить. Ты потрясающий.

Пальцы Чжоу Цзыфэя бережно оглаживали выпуклые, похожие на сороконожек розоватые рубцы. Он не отрицал пережитую Шэнь Цзя боль и не пытался выпятить собственное великодушное принятие — он просто восхищался его стойкостью.

Ничто не сравнится с храбростью человека, умеющего любить несмотря ни на что.

Чжоу Цзыфэй был бесконечно благодарен Шэнь Цзя за то, что тот выстоял. Не останься он в живых, они бы никогда не встретились и не полюбили друг друга.

Его движения были мягкими. Бушевавшее ранее пламя страсти утихомирилось, сменившись уютным теплом, от которого на сердце у Шэнь Цзя становилось легко и сладко.

— Не говори так сентиментально...

Кончики ушей Шэнь Цзя вспыхнули. Он отвернулся и уткнулся лицом в мягкую подушку. Солнечный свет скользил по его гладкой спине, точно жидкий мёд на креме, источая домашний уют.

Чжоу Цзыфэй тихо хмыкнул и накрыл своим горячим торсом его освещенную солнцем спину.

И поцелуи, и его низкий голос зазвучали у самого уха Шэнь Цзя:

— Вовсе не сентиментально. Чистая правда никогда не бывает сентиментальной.

Он легко покрывал поцелуями пляшущие на спине зайчики света, словно играя в незамысловатую игру: ловил губами тени и очерчивал контуры тела, оставляя едва заметные следы.

От этих нежных прикосновений Шэнь Цзя окончательно обмяк, растворяясь в этом солнечном тепле, точно тающий крем.

Перед глазами то приближалась, то удалялась яркая красная макушка. Зацепиться было не за что, оставалось только дрейфовать в белых облаках — каждый шаг тонул в мягкой вате, но крепкие руки надежно удерживали его от падения.

— Правда... совсем не уродливо?.. — совсем тихо переспросил Шэнь Цзя с едва уловимым дрожанием в голосе.

Чжоу Цзыфэй наклонился и нежно поцеловал его в покрасневший уголок глаза.

— Ты самый красивый котёнок в мире.

Окруженный этим мягким облаком любви, Шэнь Цзя невольно приподнял лицо, и его дыхание сбилось на лёгкий, счастливый такт.

В тот день Чжоу Цзыфэй поцеловал тринадцать следов от сигаретных ожогов, два рубца от ножа и один след от горячего металла.

После каждого поцелуя он заставлял Шэнь Цзя повторять за ним: «Я не уродливый», «Я самый красивый котёнок моего мужа». Не слыша ответа, он не двигался дальше. Шэнь Цзя сперва упрямылся, но под конец мог лишь охрипшим от слёз голосом повторять эти фразы снова и снова.

Когда всё закончилось и они пошли смывать с себя пот, Цзыфэй поставил его перед зеркалом. Прижавшись к его уху и указывая пальцем на шрамы, перемешанные со свежими засосами, он тихо шепнул:

— Когда в следующий раз увидишь их, не думай о прошлом. Думай о том, как муж целовал тебя сегодня, договорились?

Шэнь Цзя крепче сжал его руку и, роняя слёзы, молча кивнул.

<http://bllate.org/book/19971/1986093>